

И. М. Рагимов

**ФИЛОСОФИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И НАКАЗАНИЯ**

Ильгам Рагимов

**Философия преступления
и наказания**

«Юридический центр»

2013

Рагимов И. М.

Философия преступления и наказания / И. М. Рагимов —
«Юридический центр», 2013

В настоящей монографии рассматриваются основополагающие проблемы уголовного права, связанные с преступлением и наказанием. Автор с философских позиций размышляет над вопросами о причинах и истоках преступления, сущности наказания, будущем преступности и наказания. Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, работников правоохранительных органов, теоретиков и практиков, специализирующихся в области уголовного права, а также философов, социологов, психологов и всех интересующихся проблемами борьбы с преступностью.

© Рагимов И. М., 2013

© Юридический центр, 2013

Содержание

Введение	6
Глава I	11
§ 1. Понятие и сущность преступления	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ильгам Рагимов

Философия преступления и наказания

Редакционная коллегия

Ю.В. Голик (отв. ред.), М.Т. Агаммедов, Н.А. Винниченко, И.Х. Дамения, И.Э. Звечаровский, А.В. Земскова, А.В. Коновалов, С.Ф. Милуков, А.В. Сальников, А.В. Федоров, А.А. Экс-архонццо

Рецензенты:

С.Я. Гусейнов, доктор философских наук, член-корреспондент Академии административных наук РФ

Ф.М. Джавадов, доктор юридических наук, профессор

А.В. Сальников, кандидат юридических наук, заслуженный работник прокуратуры РФ

Введение

*«О народ! Обсуди предметы
И ты постигнешь истину!»*

Коран. Сура 2

I. Работая над проблемой наказания достаточно долго, я понял, что никакие знания ни о каком предмете не могут быть полностью исчерпывающими. Ни одну из реалий природного, социального или духовного мира человек не в состоянии изучить до конца. Однако он всегда стремится познать истину. А это, как известно, возможно только в результате глубокого и длительного исследования того или иного предмета.

Вникая все глубже в суть проблемы наказания, я убедился в ограниченности только юридического подхода к познанию этого сложного феномена и необходимости выйти за рамки уголовно-правового и криминологического изучения.

Понял я также, что без философского осмысления понятия преступления и его причины мы не в состоянии постичь философский смысл понятия и сущности наказания, ибо, только понимая, что такое преступление, возможно тот или иной акт поведения человека отнести к этому понятию, а потому и реакцию, вызванную им, назвать наказанием.

Исходя именно из этих принципиальных положений, я решил рассмотреть наказание во взаимосвязи с понятием преступления и его причины не только с юридических, но и с философских позиций. В результате этого мне пришлось отойти от некоторых ранее высказанных мною суждений по рассматриваемой проблеме.

Но я успокаивал себя, ссылаясь на слова американского философа, поэта и публициста Джеймса Расселла Лоуэлла: «Только глупцы и покойники никогда не меняют своих мнений».

У меня нет абсолютной уверенности в том, что я найду истину, ибо интересующие меня проблемы затрагивают те области научного знания, где по-прежнему не утихают споры. Я лишь пытаюсь все новыми и новыми аргументами проверить собственное убеждение. Смогу ли я это сделать? «Дерзновение в поисках истины, вера в могущество разума, – писал Г. Гегель, – есть первое условие философских занятий. Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего. Какого бы высокого мнения мы ни были о величии и могуществе духа, оно все же будет недостаточно высоким. Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания; она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими»¹.

Поначалу философия преступления и наказания как предмет исследования казалась совершенно непонятной и требующей предварительного знакомства со множеством философских определений и понятий, что меня даже немного устрало и чуть ли не отвратило. Однако я всегда помнил, что познание – процесс продвижения разума от незнания к знанию, от непонимания к пониманию, от тайны к истине. Как справедливо отмечает Д.А. Керимов, «познание так же бесконечно, как бесконечен мир, жизнь, бытие, в том числе и бытие права»².

В то же время я четко осознавал, что этот путь познания предполагает преодоление множества препятствий и затруднений. Было очевидным, что без славной работы наших предше-

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 83.

² Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2011. С. 7.

ственников мы сами не сможем пойти дальше; это и есть всемирный закон эволюции, согласно которому настоящее является сыном прошлого и отцом будущего (Г. Лейбниц).

В мире, в нашей жизни, нет ничего того, о чем уже не было бы сказано раньше, или, как говорят в таких случаях: все новое – это хорошо забытое старое. Ни один комментарий, ни один, даже самый добросовестный и квалифицированный, пересказ не вызывает тех впечатлений, которые могут быть получены при непосредственном знакомстве с трудами выдающихся мыслителей прошлого, не выразит подлинный смысл некогда высказанных идей. В этом я глубоко убедился, изучая историю философии, религии, права и других наук о преступлении и наказании.

II. В науке уголовного права всегда ставился вопрос: можем ли мы ограничиться только юридическими рамками изучения преступления и наказания? Достигнем ли тогда намеченных целей? Возражая профессору М.В. Духовскому, который одним из первых потребовал расширения рамок науки уголовного права, А.Ф. Кистяковский говорил: «Если автор считает неправильным взгляд на уголовное право как на науку, изучающую только преступление... как отрывочное явление, без изучения его причин. то можно ему задать вопрос: что же автор прикажет пока делать нашей науке, когда нормы жизни общественной, в которых она не госпожа, таковы, что приходится, прежде всего, изучать только преступление и налагаемое за оное наказание»³.

Несомненно, что юридическое изучение преступления и наказания не только важно, но и необходимо. Как подчеркивает М.П. Чубинский, «это должно признать и помнить раз и навсегда при каких бы то ни было реформаторских предложениях»⁴.

Но нам нужны факты психической и физической жизни, лежащие в основе понятия преступления и наказания, а также сведения о нравах, привычках, наклонностях преступника, о приемах и способах преступного деяния. Кроме того, необходимо философское обоснование поведения человека, в том числе и преступника, а также права наказания за преступление и т. д. А этих необходимых и чрезвычайно важных знаний и сведений наука уголовного права не дает. Поэтому, если мы хотим объяснить причину преступного поведения человека, а значит, понять сущность преступления и наказания, следует использовать достижения других наук. В данном случае речь идет об использовании научных методов и средств неправовых наук в целях изучения и объяснения проблем уголовного права – преступления и наказания, а не о включении их в предмет этой науки. В связи с этим представляются неверными высказывания Э. Ферри относительно того, что «вся юстиция будущего будет сосредоточиваться на преступнике как биохимической личности, которая и действует в той или иной социальной среде», поэтому никакие примирительные попытки «не могут пустить корней»; нет среднего пути; необходимые для прогресса науки новые методы «не вяжутся с изучением преступления как абстрактной юридической сущности»⁵.

Между тем современная уголовная юстиция сосредоточивается именно вокруг преступления как юридической и философской сущности, с использованием результатов психологии, психиатрии, генетики, медицины при изучении личности преступника.

Иными словами, в настоящее время проблемы преступления и наказания прочно вошли в число изучаемых, обсуждаемых не только в криминологической и уголовно-правовой науке, но и в философии, социологии, психологии, богословии и т. д.

Подчас очень трудно, а иногда и невозможно, дать определение тому или иному понятию, хотя оно широко употребляется в обычной повседневной практике и считается само собой

³ Цит. по: *Сергиевский Н.Д.* Философские приемы и наука уголовного права // *Сергиевский Н.Д.* Избр. труды. М., 2008. С. 208.

⁴ *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики. М., 2010. С. 24.

⁵ *Ферри Э.* Sociol crimin. 1893. P. 14, 580, 584.

разумеющимся. Поэтому обычные люди при общении и разговоре о преступлении, преступности и наказании не ставят себе целью проникнуть в сущность и содержание этих понятий. Для них эти слова – простые и обычные, а самое главное – понятные. А это дает им возможность очень хорошо понимать друг друга. Блаженный Августин писал: «Если меня не спрашивают о значении тех или иных понятий, я знаю, о чем идет речь. Если же меня просят объяснить их смысл другим, я не способен это сделать».

Сложность, труднообъяснимость понятий преступления и наказания связана с их философской сущностью. Поэтому, прежде всего, обнаруживается потребность в интегративном и одновременно глубинном философском подходе к этим феноменам, с целью раскрытия их философской сущности, хотя очевидно, что эта задача весьма сложная.

Ю.В. Голик предупреждает: «Тот, кто решит погрузиться в пучину философских проблем права, пойдет по интересному, увлекательному, но и очень “опасному” пути. Дело в том, что философия относится к числу тех наук, в которых ни по одному из вопросов среди исследователей нет единства мнений. Очень часто эти мнения расходятся столь кардинально, что нет даже точек соприкосновения. Споры бесконечны, и длятся они не десятилетиями и даже не столетиями, а тысячелетиями»⁶.

Совершенно справедливое высказывание, но я рекомендую исследователю принять за основу слова русского ученого В.И. Вернадского: «Я вполне сознаю, что могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу заставить ее идти по дорожке, практически, важной, по такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучают меня... И это искание, это стремление – есть основа всякой научной деятельности».

Есть много вопросов, которые мыслящие люди задают себе в какой-то момент по какой-либо проблеме и на которые та или иная конкретная наука и практика не могут предложить однозначного ответа. Задача философии как раз и состоит в том, чтобы изучить эти вопросы и, по возможности, объяснить их. Как устроен мир? Развивается ли он? Кто или что определяет эти законы развития? Смертен или бессмертен человек? Как может человек понять свое предназначение? Каковы познавательные возможности человека?

Одним словом, можно с полным правом утверждать, что во всех достижениях человечества присутствует значительный, хотя и косвенный, вклад философии. Философия едина и многообразна, человек не обходится без нее ни в одной из областей своей жизни. «Все... области знания граничат в окружающем нас пространстве с неизвестным. Когда человек входит в пограничные области или заходит за них, он попадает из науки в сферу умозрения. Его умозрительная деятельность – тоже вид изучения, и это, помимо всего прочего, есть философия» (Б. Рассел).

Как известно, философия включает в себя множество предметных областей, в том числе философию права, которая исследует, в самом широком смысле, последствия тех или иных законодательных принципов. Не следует забывать, что вопросы добра и зла, понятие справедливости относятся к философской дисциплине – этике, то есть это этические категории, а не правовые. Значит, понятия «преступление» и «наказание» следует отнести к категориям философским, поскольку право, правовые науки, в частности уголовное право и криминология, не в состоянии ответить на интересующие нас вопросы.

Философия служит научной базой, основой для исследования конкретных проблем других наук, в том числе и правовых. Так, например, понятия возмездия, кары, страдания и т. д. возможно рассматривать только через философию.

⁶ Голик Ю.В. Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 7.

Известному правоведу, социальному философу Е.В. Спекторскому принадлежат замечательные слова: «Все три области философии – этика, метафизика и гносеология – теснейшим образом связаны с юриспруденцией. Как сатана объявлял у Данте: “*Tu non pensavi ch' io loico fossi!*” – “Ты не подозревал, что я логик!”, так и юриспруденция может объявить: “Ты не подозревал, что я философ!” Сознание этого должно возвысить и облагородить ее, должно поставить ее выше тех упреков, которые ей слишком часто приходится слышать, а именно, что она будто бы занимается только рабским буквоедством или пустым и вредным крючкотворством. Но *pobesse oblige*. Сознание этого также и обязывает. Оно обязывает юриспруденцию относиться с большим вниманием к философии и ее проблемам. Если вообще, как заметил еще Платон, “отсутствие интереса к философии является признаком, скорее, самодовольного невежества, чем превосходства истинного знания, то отсутствие такого интереса у юриста является уже пренебрежением к его собственному профессиональному делу, пренебрежением, тем более непростительным, что результатом его может оказаться гибель юриспруденции от натиска чужеродных учений”»⁷.

Представляется, что это самый глубокий и убедительный ответ представителям позитивизма, которые считают, что наука о праве самодостаточна и не стоит привлекать философию, этику и другие науки для раскрытия и понимания сущности правовых явлений. Лучше, чем Гегель, и не скажешь: «Юриспруденция является частью философии»⁸.

И в самом деле, может ли юриспруденция обойтись без философии в раскрытии сущности понятий и понимании многочисленных правовых проблем? Если исходить из того, что философия пытается ответить на те теоретические вопросы, которые отдельные конкретные науки не в состоянии разрешить, то ответ может быть только отрицательным. В принципе, все науки имеют общее основание и одинаковую цель – изучение природы и раскрытие ее законов для блага человечества. Однако нельзя забывать слова Артхамастра (Древняя Индия, IV в. до н. э.): «Философия всегда считается светильником для всех наук, средством для совершения всякого дела, опорой всех установлений». История свидетельствует, что именно философы во все времена ставили вопросы и пытались на них ответить раньше, чем юристы. И это естественно, ибо сущность философии в размышлениях над всеобщими проблемами «мир – человек». Следовательно, если объектом наказания является человек, который одновременно выступает также в качестве субъекта преступления, то следует признать, что без философии невозможно объяснить сущность и содержание системы «преступление – человек – наказание». В данном случае правовые науки, в частности уголовное право и криминология, бессильны.

И. Кант писал, что «философия есть в действительности не что иное как “практическое человекознание”»⁹.

Философия обращает внимание на преступление и наказание и на их сущность с точки зрения их места и роли в общесоциальном механизме, оправдания или осуждения их юридической природы с позиций этических норм, духовно-нравственных ценностей¹⁰. Поэтому, для того чтобы учение о преступлении и наказании было методологически правильно построено и давало максимальный эффект для общества, оно должно быть ориентировано не только на юридические дисциплины, но, прежде всего, на философию, и только при посредстве нее на всю сумму гуманитарных наук, объединенных при помощи философии в цельную систему научного познания.

⁷ Философия и юриспруденция // Юридический вестник. Кн. II. М., 1913.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 17–18.

⁹ Кант И. Из рукописного наследия. М.: Прогресс, 2000. С. 78.

¹⁰ См.: Сыч К.А. Уголовное наказание и его классификации: опыт теоретического моделирования. СПб., 2002. С. 75.

Порой, не понимая друг друга, философы и юристы выступают со взаимными обвинениями. Философы полагают, что юристы не в состоянии высказывать независимое, свободное мнение, поскольку они подчиняются требованиям формальных законов. Юристы же считают, что философы говорят много прекрасных, но весьма далеких от практической пользы вещей.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что философия порой пытается объяснить многие явления слишком сложными понятиями и категориями, не совсем доступными для юриспруденции. А это создает определенные проблемы для практического их применения. На самом деле, не столько сложна сама философия, сколько сложен язык, которым она излагается. Парадокс заключается также в том, что чем непонятнее, сложнее, запутаннее философская мысль, тем гениальнее считается философ.

Уверен, что каждый, кто осмелится взяться за исследование такой нелегкой и неблагодарной проблемы, как преступление и наказание, обязан тщательно и внимательно ознакомиться с трудами не только выдающихся юристов, но и известных философов, психологов, социологов, писателей, исследования которых имеют отношение к этим институтам уголовного права. При этом, естественно, нельзя забывать, что в системе юридических наук философия права является фундаментальной наукой, а в сравнении с ней отраслевые науки носят преимущественно прикладное значение. От их единства и взаимопроникновения зависит успех развития, как первых, так и вторых.

А. Вебер подчеркивал, что «философия родилась в тот самый день, когда мысль отказалась объяснить природу посредством фантастических существ, перешедших в область басни, а вместо того стала объединять все субстанции или вечной силой и вечным разумом, или же, говоря ее собственным языком, основными началами и причинами»¹¹. Из этого следует, что всякая философия какого-либо явления есть исследование причин возникновения этого явления, условий его существования и видоизменений. Поэтому философия преступления и наказания, видимо, родилась тогда, когда человек начал задумываться о своем поведении, которое причиняет определенный вред другим людям, сообществу, а также о том, как предотвратить такого рода явления.

Как подчеркивали еще древние философы, только через философские категории мы в состоянии познать истину о понятии и сущности преступления и наказания, и именно эти категории являются методологически универсальными средствами, инструментами, методами познания природы общества.

Исходя из этих положений, я попытаюсь ответить на те вопросы, которые имеют философскую сущность: что такое преступление вне уголовного закона? Где находятся причины и истоки поведения человека, преступного в частности? В чем заключается сущность наказания? откуда оно появилось? За что и зачем наказывать? кого и как наказывать? кому принадлежит право наказания и кто это право дал? нужно ли вообще наказание обществу и каково его будущее?

¹¹ Вебер А. История европейской философии. Киев, 1882. С. 10.

Глава I

Преступление

Понятие и сущность. Причины и истоки. Личность преступника. Будущее преступности

§ 1. Понятие и сущность преступления

I. Необходимым шагом к научному познанию понятия «преступление» должно стать отчетливое установление предмета, обозначаемого словом «преступление». Иначе говоря, необходимо, прежде всего, осознать то, что мы привыкли представлять, употребляя слово «преступление». Для этого недостаточно только изучения и описания преступления как категории юридической. Следует попытаться объяснить преступление как явление, как понятие философское.

Старое правовое, формальное и привычное значение понятия преступления не дает нам возможности познать его истинное содержание и сущность, а значит, и ясный смысл наказания, его социальное назначение. Главный недостаток значительного числа определений, на наш взгляд, заключается в том, что вместо анализа действительных причинных взаимоотношений, существующих в реальной действительности, догматика уголовного права весьма усиленно занималась и занимается анализом перечисленных в Уголовном кодексе преступных деяний, игнорируя аналогичные явления, данные вне Кодекса.

Как справедливо отмечает Е.Б. Кургузкина, «постижение подлинного понятия преступления не может в полной мере лежать в рамках юридической науки и должно выходить за ее пределы»¹². Это утверждение полностью вытекает из высказывания Гегеля о том, что юридическая наука как наука о позитивном праве занимается не смыслом права и, соответственно, не смыслом преступного, а тем, что в данном месте и в данное время соответствующим властно-авторитетным образом установлено (позитивировано) как закон. Следовательно, уголовное право как юридическая наука в своем подходе к пониманию преступного исходит не из разума, а из авторитета, то есть властного установления¹³.

С практической точки зрения, можно поставить вопрос: что должно считаться преступлением? Ответ простой: преступление есть деяние наказуемое. Именно так понимает преступление наука уголовного права. Ну а если более конкретно, то догматика уголовного права традиционно дает следующее определение понятию преступления: «Преступное деяние есть деяние, нарушающее нормы правопорядка».

Когда-то Апостол Павел произнес: «Где нет закона, нет и преступления» (Рим. 4:15). А уже в XX в. Л. Хулсман повторил то же самое в другой формулировке: «Это закон говорит, где есть преступление, это закон создает “преступление”»¹⁴. Однако юридическое, формальное определение понятия «преступление» не дает ответа на следующие теоретические вопросы. Каковы общие свойства деяний, которые в различные времена и у различных народов считались «преступными» и, соответственно, наказывались? Какие деяния являются преступными по своей природе? Можно ли найти хотя бы одно деяние, которое само по себе считалось бы преступлением во всех кодексах? Можно ли выделить те черты, которые являются общими для всех разновидностей преступления у различных социальных типов?

Совершенно справедливо утверждение Э.А. Позднякова о том, что юридический подход к преступлению и его определения формальны и они ни в малейшей степени не удовлетворяют запросов тех, кто желает глубже проникнуть в суть феномена «преступление», раскрыть его глубинные основания и причины¹⁵. Ведь чисто формальный характер понятия «преступление» дает возможность господствующей власти, исходя из различных соображений, в том числе политических, создавать системы, которые требуют этого понятия. В уголовном праве крими-

¹² Кургузкина Е.Б. Понимание преступного // Философские науки. 2008. № 5. С. 84.

¹³ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 2007. С. 283.

¹⁴ Хулсман Л. Picnes. Perdue. Paris, 1982. P. 68.

¹⁵ См.: Поздняков Э. Философия преступления. М., 2001. С. 58.

нализация и декриминализация деяний при всем стремлении к наибольшей объективности все же не может быть свободна от волюнтаристского подхода тех, кто непосредственно занимается законотворчеством. Кроме того, не исключены случаи намеренной криминализации деяний, которые, не являясь общественно опасными, считаются таковыми только для узкого круга власть предержащих в защиту нарушения ими общественных интересов¹⁶. В особенности это характерно для государств с авторитарным, недемократическим режимом управления.

Одним словом, следует согласиться с Ю.В. Голиком в том, что длительные и не поддающиеся учету попытки юристов дать полное и всеобъемлющее понятие преступления до сих пор ни к чему не привели¹⁷.

Не удовлетворившись юридическим определением преступления, некоторые мыслители решили разработать это понятие независимо от уголовных законов. Так, Э. Дюркгейм вслед за своим предшественником Р. Гарофало попытался дать некое социологическое определение преступления, которое бы отличалось от юридического, хотя социальное значение преступления создавалось еще древними философами. Французский представитель социологической школы Г. Тард считал, что преступление следует объяснять, прежде всего, как явление социальное, а его происхождение – как историческое¹⁸.

По Гегелю, сущностью преступления является его ничтожность с точки зрения незыблемости права как абсолютной ценности. Такой вывод вытекает из следующего тезиса философа: «Посредством преступления нечто изменяется, и предмет существует в этом изменении, но это существование есть противоположность себя самого и, тем самым, в себе ничтожно; ничтожность состоит в том, что право снято как право. Именно право как абсолютное не может быть снято, следовательно, проявление преступления ничтожно в себе, и эта ничтожность есть сущность преступного действия»¹⁹.

П.А. Сорокин считает, что преступление есть явление чисто психическое, а не внешнее. Он пишет: «Преступным будет и может быть тот или иной акт не сам по себе, а лишь в том случае, когда в психическом переживании кого-нибудь он квалифицируется как преступный»²⁰. При этом преступление П.А. Сорокин понимает как конфликт разнородных шаблонов моделей поведения, существующих в данном обществе²¹.

Ряд авторов рассматривают преступление исключительно с биологической точки зрения: «Преступление есть выражение невозможности для индивида отказаться от гомеофагии (каннибализма, прямых или косвенных посягательств на жизнь): оно заключается в удовлетворении наших инстинктов и стрессов насчет наших ближних, вместо того чтобы искать “удовлетворения наших потребностей во внешнем мире”»²².

Представители утилитаризма исходили из того, что «преступление есть поступок, совершенный членом данной социальной группы и рассматриваемый остальными сочленами в качестве поступка, настолько вредного для группы или предполагающего такую степень антисоциального настроения у исполнителя, что первые, стремясь защитить свое благосостояние, реагируют на него публично, открыто и коллективно»²³.

¹⁶ Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 84.

¹⁷ См.: Голик Ю.В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 24.

¹⁸ Тард Г.Д. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004. С. 7.

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 145.

²⁰ Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда. СПб., 1914. С. 85.

²¹ Там же. С. 128–130.

²² Bahar. Une nouvelle definition du crime basse sur la science biologique // Revue penitentiare. 1895. P. 739.

²³ Макаревич. Указ. соч. С. 80, 89.

Исходя из этого, они делают вывод, что преступление есть не только государственное, но и общественное явление. Э. Ферри, не соглашаясь с Л.П. Мануврие²⁴, утверждающим исключительно социальный характер преступления как явления, называет преступление «естественным и социальным явлением», ибо преступление, будучи явлением социальным, в то же время есть проявление биологической стороны индивидов²⁵.

Несовершенство вышеперечисленных, а также многих других определений связано, как видим, с тем, что юридическое определение преступления не дает ответа на следующий вопрос: достаточно ли одного деяния, которое запрещено законом, для установления понятия о преступлении?

Следует отметить, что в последнее время, наряду с юридическим определением понятия «преступление», в научный оборот введен термин «преступление» в криминологическом смысле, под которым предложено понимать виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве преступления законом²⁶. Одновременно Д.А. Шестаков предложил выделять и мнимое преступление – деяние, необоснованно запрещенное законом под страхом уголовного наказания.

Какое действие следует считать преступным, а какое – нет, – вопрос, на который не существует однозначного ответа. В соответствии с афинским законодательством Сократ был преступником, однако сейчас мы считаем, что его «преступное деяние» было полезным не только для его родины, но и всего человечества. В Спарте младенцы, родившиеся уродами, истреблялись как неспособные к службе, негодные для государства. У арабов, до Корана, закапывание живыми родившихся девочек не расценивалось как преступление и даже не осуждалось, поскольку для семьи женщины были как бы тяжестью, грузом, не способными выполнять работу. Это было связано также с нехваткой мужского пола, необходимого для ведения боевых действий. Неповинный, честный Аристид был изгнан из Афин только за то, что его соперничество с Фемистоклом вредило борьбе с персами, нарушая единство и согласие партий. А для последователя Зороастра самым тяжким преступлением считалось закапывание в землю мертвых. Вместо этого трупы оставляли собакам или хищным птицам. У греков величайшим преступлением считалось не завернуть мертвого в саван.

Можно привести множество таких примеров из истории любого народа. Прав Г.В. Мальцев, утверждая, что «одно было и остается неизменным: всякое сообщество, древнее или современное, причисляет к категории преступных те поступки своих членов, которые по опыту представляются ему опасными для общего дела, причиняющими вред коллективу и отдельным его членам, несущими угрозу развала социальной организации. Все это ныне резюмируется в понятие общественной опасности преступного деяния»²⁷.

Из всего этого следует, что «преступление» – это всего лишь понятие, применяемое в определенных социальных ситуациях. Один и тот же по содержанию поступок в различные исторические времена, в разных обществах и в разном социальном контексте может расцениваться как антиобщественный, социально нейтральный или общественно одобряемый. Так, во времена Арабского халифата халиф Умар, руководствуясь заповедью о том, что сомнения смягчают наказания, отменил наказание за воровство в голодный год. Т. Тард отмечает: «Система добродетелей, так же как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории»²⁸. Существовали народы, у которых кража и грабеж не только не являлись преступлениями, но, напротив, считались добродетелью.

²⁴ Manovrier. Les aptitudes et les acts // Bull. de la soc. d'anthr. Paris, 1890; Elle nouvelle, oct. 1893.

²⁵ Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 102.

²⁶ См.: Шестаков Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб., 2001.

²⁷ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 420.

²⁸ Тард Г.Д. Сравнительная преступность. М., 1907. С. 33.

Каждое общество порождает определенное количество определенных же видов преступлений, являющихся следствием его структуры и общего состояния. Понятие преступления связано с господствующими в том или ином обществе идеями, с представлениями о том, что преступно и должно влечь за собой уголовное наказание, а что – нет.

Действительные основания причисления одних деяний к разряду уголовных, а других – к административным или гражданским могут быть найдены только на почве знания о ходе исторического развития того или иного народа. То же самое поведение, которое не одобряется обществом в данное время и в данном месте, может одобряться в другое время и в другом месте. И очень трудно определить, какое поведение – одобряемое, а какое – неодобряемое. Изучение преступления вне времени и пространства, путем вынесения его из той социальной среды, в которой оно существует, невозможно. Поэтому кого считать преступником и когда – также дело времени и исторического периода.

В связи с этим П.А. Сорокин подчеркивал: «Сравнивая конкретные акты, называемые преступными различными кодексами, оказывается, нельзя указать ни одного акта, который бы всеми кодексами считался таковым. Даже такие преступления, как убийство, и то не всегда и везде считаются за преступления»²⁹.

Возникают ситуации, когда состояние общества, общепринятые нормы и ценности почему-либо утрачивают обязательный характер, подавляющим большинством населения ставятся под сомнение их целесообразность и справедливость. Например, спекуляция и обман покупателей в советский период считались преступлениями, хотя население страны понимало бессмысленность и несправедливость установления уголовной ответственности за эти деяния.

Как известно, для многих народов употребление спиртных напитков имеет давнюю традицию, а для некоторых даже является характерной чертой. Установлено также, что определенная часть насильственных преступлений совершается именно в состоянии алкогольного опьянения. Следует иметь в виду и то, что от злоупотребления спиртным ежегодно умирают десятки и даже сотни тысяч людей. Разве в данном случае это явление не наносит вреда самому человеку и всему обществу? Почему же потребление наркотических веществ считается опасным для общества и является преступлением, а злоупотребление спиртными напитками – нет?

В свое время советское уголовное законодательство совершение преступления в состоянии опьянения расценивало даже как смягчающее обстоятельство при назначении наказания. Потом пришлось от этого отказаться. Поэтому в перспективе не исключается, что пьянство, то есть употребление спиртных напитков, может быть рассмотрено как преступление.

В принципе, количество поступков, которые можно определить как преступления, возрастает.

Так, например, законодательство может ввести ответственность за действия женщин, занимающихся проституцией, исходя из того, что их число неуклонно возрастает, хотя это явление (деяние) существовало еще в древности, когда их побивали камнями и когда общественное мнение преследовало их своим негодованием.

Когда-то у народов Кавказа (да и у многих других народов) был обычай похищения девушки. Он не считался преступлением, ибо не преследовалось цели нанесения вреда девушке или ее родственникам. Наоборот, она получала возможность выйти замуж и создать свою семью. С точки зрения морали, можно считать, что этот обычай – порочный, ибо девушка, возможно, не согласна выйти замуж без любви. Однако обычная жизнь кавказцев в те времена была такова, что подавляющая часть девушек выходила замуж, даже не зная, за кого их выдают. Иными словами, обычаи, традиции считали такого рода деяния не преступлением, а совершенно нормальным явлением. Позднее, в период Советской власти, это деяние расцени-

²⁹ Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Сост., вступ. ст. и предисл. В.В. Сапова. М., 2006. С. 128–130.

валось как похищение и считалось преступлением – пережитком прошлого. Итак, нет такого деяния, которое бы во все времена у всех народов считалось преступлением.

Законы, в том числе и уголовный, предписывают добрые обычаи и запрещают плохие. Однако есть множество случаев, когда законодатель и общество признавали общественно опасными и вредными обычаи, которые, на самом деле, были полезными, и наоборот. Так, например, в Персии закон не считал преступным половое сношение сына с матерью, тогда как общение с иноверной признавалось тяжким преступлением, несравнимо более опасным. Обычаи являются как бы источниками и началами, из которых вытекают законы.

Согласно этимологии данного слова, обычай – это форма обыкновенного, то есть привычного, повторяющегося поведения³⁰. Д.А. Дриль считал, что «обычай – не общее, наперед установленное обязательное правило для будущих действий, а только решения, хотя вследствие частой повторяемости решение обобщаемое, но по мере особенностей, представляющих новых случаев допускающее изменения»³¹.

Неверно думать, что правовой обычай – это нечто архаическое, оставшееся от времени доиндустриального общества. Обычай, в том числе и правовой, – живой, развивающийся элемент социальной регуляции современной общественной жизни³².

Хотя уже давно установлен запрет на кровную месть, но фактически она и по сей день существует у некоторых народностей. И ничего удивительного в этом нет. Человек, не являющийся кавказцем, считает кровную месть пережитком прошлого, звериным законом безжалостного возмездия. Может быть, и так. Однако закон кровной мести гораздо сложнее и более разностороннее, чем большинство европейских законов. Кровная месть просто так, мгновенно не возникает и не исчезает. Кавказец с младенчества знает все правила кровной мести и хранит их в своем сознании. В принципе, кровная месть в основе своей является единственной преградой на пути массовых убийств. Только благодаря кровной мести на Кавказе долгие годы сохранялся порядок, который всех устраивал. Страх и правила (условия) мести способствовали, а точнее, служили основанием взаимоотношений племен, людей. Преследовать врага до конца жизни считалось священным долгом кавказца.

Что такое кровная месть? Можно считать, что она является священным долгом, который теоретически приводит к бесконечной цепи, ибо порождает новый виток мести, и так без конца. «Не только кровная месть, но и все формы наказания – от самых примитивных до самых совершенных – являются выражением мести»³³.

На самом деле, убийство из мести – это ответная реакция индивида на несправедливое, неправильное поведение, которое причинило смерть или какое-либо увечье ему или одному из членов его семьи, рода, племени, группы. Это не оборона от нападения, ибо она возникает уже после того, как причинен вред, и потому о защите от грозящей опасности говорить уже поздно. Кровная месть может быть направлена не только против того, кто причинил вред, но также и в отношении других членов группы. Согласно Э. Фромму, человек берется вершить правосудие, когда теряет веру. «В своей жажде мести он больше не нуждается в авторитетах, он – “высший судья”, и, совершая акт мести, он сам себя чувствует и ангелом и Богом... это его звездный час»³⁴.

Вспоминается факт, имевший место в Ленкоранском районе Азербайджана в начале 90-х годов XX в., когда несовершеннолетний Р. прямо на глазах у присутствующих в зале суда

³⁰ См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: М., 1881. Т. 2. С. 637–638.

³¹ *Дриль Д.А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2010. С. 224.

³² См.: *Лапаева В.В.* Социология права. М., 2011. С. 177.

³³ *Menninger K.A.* The Crime of Punishment. New York, 1968.

³⁴ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 2004. С. 380.

застрелил убийцу своего отца. И это сейчас, в наше время, а не в прошлом, в древности. Почему мстительность является такой глубоко укоренившейся и интенсивной страстью?

Может быть, человеку присуще элементарное чувство справедливости? В нашем реальном примере, на самом деле, у несовершеннолетнего убийцы была уверенность в том, что суд вынесет несправедливый приговор, и поэтому он решил осуществить правосудие самолично.

Психологи утверждают, что жажда мести как глубинное чувство личности присуща всем людям, независимо от национальности и вероисповедания. Поэтому вряд ли можно согласиться с Э. Фроммом, утверждающим, что тот, кто достиг в своем развитии уровня, соответствующего христианскому и буддистскому идеалу человека, совершенно лишен мстительных чувств. Во-первых, Библия признает месть. Во-вторых, в таком случае можно говорить также о мусульманине, соблюдающем все принципы ислама.

По Э. Фромму получается, что убийство из мести исчезнет с религиозным развитием человека. В настоящее время вряд ли возможно найти человека, достигшего такого уровня. Как раз наоборот: в современных условиях убийства на религиозной почве достигли своего пика.

Следует отметить, что в свое время кровная месть выполняла, на самом деле, определенную социальную роль в обеспечении стабильности общества. Она являлась сильнейшим средством предупреждения тяжких преступлений в обществе.

В Мекке до ислама не было ни суда, ни тюрьмы, ни наказания. Племя охраняло своих достойных членов по правилам обычаев. В частности, когда рождалось много девочек, бедуин находил простой способ их убийства. Безжалостные обычаи пустыни разрешали лишних дочерей живьем зарывать в землю, чтобы они не были грузом для племени и не уменьшали долю мальчиков, отсасывая материнское молоко. Однажды в Каабе мимо Пророка Мухаммеда проходила маленькая девочка. Он подозвал ребенка, ласково погладил ее по голове и начал напевать ей детские песни. Вокруг сидели курейшиты; они, глядя на девочку и Пророка, неодобрительно покачивали головами – ведь девочки считались бесполезными созданиями. Один пожилой курейшит, который не мог более смотреть на это бесстыдство, подойдя к Мухаммеду, сказал: «Что ласкаешь ребенка? Или ты не знаешь, что даже разрешено безнаказанно убивать девочек?» Тогда Пророк поднялся и решительно возвестил еще один новый аят Корана: «Добры с родителями будьте в их краткий в этой жизни час; Детей в нужде не убивайте – прокормим их, и с ними вас» (Коран. Сура 6, аят 152). Вот так возник важный закон ислама, который положил конец обычаю, существовавшему в пустыне испокон веков.

Иногда обычаи и традиции оказываются настолько глубоко укорененными в сознании и в условиях жизни людей, что их отмена или запрет происходит поэтапно, а не сразу. Так, например, запрет на спиртное, по Корану, был наложен в момент, когда однажды несколько верующих в пьяном виде пришли на намаз и их движения возбудили нездоровое внимание. Тогда в Коране появляется следующий аят: «Они спрашивают тебя об опьяняющих напитках и азартных играх. Скажи: “В них есть большой грех, но есть и польза для людей, хотя греха в них больше, чем пользы”» (Коран. Сура 2, аят 219).

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что Г. Оппенгеймер, скорее всего из-за незнания Корана, неверно излагает причину запрета употребления спиртных напитков в Исламе. Он пишет: «Мы можем, например, быть уверенными, что мотив для наказания пьянства в магометанском, китайском и мексиканском праве лежал в сфере верований в магию, и алкоголь, подобно другим ядам, рассматривался, благодаря своему специфическому действию, как обладающий сверхъестественными свойствами»³⁵.

Как видим, Коран в этом аяте строго не запрещает употребление спиртных напитков, а также азартные игры, то есть за это ответственности не наступает. Наоборот, даже говорится о некоторой пользе от этих занятий.

³⁵ Оппенгеймер Г. Исторические исследования о происхождении наказания. М., 2012. С. 77.

Дело в том, что у арабов в доисламскую эпоху тысячелетиями существовали свои обычаи и нравственные качества. В частности, они хвалились употреблением вина, но не потому, что это само по себе было предметом гордости, а по той причине, что считали подобное одним из проявлений щедрости (карам), точнее, средством побуждения души к расточительности. Если заглянуть в доисламские поэтические сборники, мы увидим множество посвященных вину хвалебных стихов.

То же самое можно сказать в отношении азартных игр (май-сир), считая, что это занятие является одним из проявлений щедрости, так как все, что они выигрывали, или все, что оставалось у выигравших за вычетом их ставок, тратилось на пищу для бедных. Данный аят Корана, скорее, воздействует на людей путем убеждения, а не принуждения. Позднее появляется аят 43 Суры 4-й Корана, где Аллах посылает людям следующее: «О те, которые уверовали! Не приближайтесь к намазу, будучи пьяными, пока не станете понимать то, что произносите...» Как видим, в этом аяте Корана отношение к спиртному более строгое, но еще не считается грехом, а на юридическом языке – преступлением.

Последние аяты Корана, посвященные спиртным напиткам и азартным играм, практически запрещают эти занятия и предусматривают наказания за них: «О те, которые уверовали! Воистину, опьяняющие напитки, азартные игры являются скверной из деяний дьявола. Сторонитесь же ее, – быть может, вы преуспеете» (Коран. Сура 5, аят 90); «Воистину, дьявол при помощи опьяняющих напитков и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза. Неужели вы не прекратите?» (Коран. Сура 5, аят 91). Именно на основании этих установлений Корана сегодня некоторые страны мусульманского мира считают подобные деяния преступлениями, за которые предусмотрены строгие меры наказания.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо отметить, что в Коране и других источниках мусульманского права подробно рассматриваются вопросы, относящиеся к различным институтам уголовного права, в том числе институту преступления.

По мусульманскому праву правила поведения регулируются религиозными, юридическими, нравственными нормами, обычаями, правилами вежливости и этикета. Согласно Корану, жизнь человека находится под постоянным контролем Аллаха, который оценивает каждый поступок с точки зрения его соответствия религиозным предписаниям (нормам). В нем неоднократно подчеркивается, что Аллах видит все, что делают люди, от него «не скрыто ничто на земле и на небе».

Поэтому любое преступное поведение – это не только отклонение, нарушение норм права, за которое следует наказание в этой жизни, в то же время оно выступает и как религиозный грех, влекущий наказание в потустороннем мире. А это означает, что преступление, по Корану, можно рассматривать как отклонение от предписания юридических норм, а также как религиозный грех.

Вопросы преступления и наказания затрагиваются в правовых нормах 4-й Суры (аяты 33, 34, 94, 95) Корана. Однако, несмотря на религиозно-правовой характер указанных аятов, Коран нельзя назвать юридическим кодексом в современном понимании.

При исследовании понятия преступления мусульманские правоведы исходили из двух основополагающих философско-богословских начал. Прежде всего, они полагали, что все поступки и даже мысли людей так или иначе предопределяются волей Аллаха. Однако рамки, установленные Кораном, достаточно гибки для того, чтобы позволить человеку самостоятельно выбирать вариант своего поведения во многих жизненных ситуациях. Поэтому Коран дает общее направление, основные принципы и нормы по защите пяти основных ценностей: религии, жизни, разума, продолжения потомства и собственности.

С точки зрения крупнейших представителей мусульманско-правовой теории преступления, преступное поведение (преступление) в формально-юридическом значении состоит в совершении запрещенного и наказуемого Аллахом деяния.

В настоящее время Коран практически не используется как юридическое средство во многих мусульманских странах, но продолжает действовать в духовном плане, в целях предотвращения преступлений. Вследствие этого возникают противоречия между уголовным законодательством и религиозными догмами. Это вполне естественно, ибо, сколь бы Коран одновременно ни был глубок и тонок, конкретен, универсален и многомерен, ряд Его положений, норм не могут быть буквально и непосредственно отражены, реализованы в современных уголовно-правовых законодательствах мусульманских государств.

Итак, суть преступления не может быть выявлена посредством одних лишь теоретических и прикладных криминологических исследований юридического характера, без привлечения социологических, психологических, статистических, философских средств познания. Криминология не дает всеобъемлющих юридических, экономических, социологических, психологических рекомендаций о преступлении, она лишь информирует общество о состоянии преступности и предлагает соответствующие средства борьбы с этим явлением. В преступном деянии всегда остается нечто загадочное и таинственное, пребывающее на глубинных уровнях, непроницаемых для криминологического анализа. Вследствие этого возникает проблема недостаточности аналитических средств, которыми располагает криминология и другие частные дисциплины.

По объективным свойствам преступление является посягательством конкретного человека на установившийся в обществе порядок отношений между людьми, коллективами и личностью. Это делает преступление *социальным*, ибо взаимодействие тех или иных единиц составляет сущность социального явления. Совершая то или иное преступление, человек включается во взаимодействие с другим членом общества, социальной группой, с обществом в целом. Однако под социальным взаимодействием следует понимать не все виды взаимодействия, а лишь такие, которые не имеются нигде, кроме человеческого общежития, то есть между людьми или между организациями. Следует также особо подчеркнуть, что преступление является социальным явлением в силу того, что тот или иной акт поведения всегда сопровождается психическими переживаниями.

Следовательно, по форме взаимодействия людей между собой, не имеющие никакого отношения к психическим формам, в сферу социальных явлений не входят. А мы знаем, что преступное поведение всегда сопровождается психическими переживаниями. П. Сорокин отмечает: «Всякое взаимодействие, между кем бы оно ни происходило, раз оно обладает психическим характером – будет социальным явлением»³⁶.

Совокупность индивидов, находящихся в психическом взаимодействии друг с другом, составляет социальную группу, или социальный агрегат. Поэтому преступление является результатом отсутствия необходимых условий для возможности правильного психического взаимодействия людей, в результате чего нет одинакового проявления одинаковых психических переживаний различными членами общества. Иначе говоря, социальные условия в обществе создают неодинаковые возможности для людей, а это приводит к неправильному психическому взаимодействию между ними, а значит, к конфликту.

Но дело не только во внешних социальных условиях. Члены общества или группы, в силу индивидуальности человеческой природы, неодинаково понимают и принимают те или иные условия общества, в котором они живут. А это в конце концов приводит к противоречию интересов индивидуума и общества, которое иногда завершается преступлением. В итоге мы имеем специфическую социальную группу, отделившуюся от общества, которая характеризу-

³⁶ Сорокин П. Преступление и кара. Подвиг и награда. СПб., 1914. С. 19.

ется повторяемостью, массовостью, типичностью, общественной опасностью, и таким образом становится исходным моментом социологического анализа.

Итак, предмет социологии преступления в конечном счете замыкается на поведении человека вообще и преступного в частности. Поэтому, в принципе, преступление возможно рассматривать как социально-психологическое явление. Однако для понимания сущности преступления этого недостаточно. Необходимо философское осмысление и познание этого феномена.

Следует отметить, что в последнее время в философской литературе уделяется достаточно серьезное внимание проблемам преступления и преступности. Опубликована монография Э.А. Позднякова – «Философия преступления». Защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д.С. Бабичева под названием «Политико-правовое исследование философии преступности». А.П. Дубнов и В.А. Дубовцев опубликовали книгу «Философия преступности. Проблемы криминализации российского общества» (1999). И, наконец, совсем недавно увидела свет солидная монография А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности» (2013).

При этом следует отметить, что авторы не различают понятий «философия преступления» и «философия преступности». Так, Д.С. Бабичев, в частности, пишет: «Исследование же философии преступности предполагает рассмотрение феномена преступности как неизбежную реальность бытия, которая способна к непрерывному существованию и развитию»³⁷. В другом месте автор даже предлагает при исследовании *философии преступности* опираться на знания, полученные в области философии, философии права, социологии и других гуманитарных наук³⁸.

Отметим сразу, что автор, наряду с понятием «философия преступности», в работе неоднократно использует также понятие «философия преступления». По его мнению, исследование философии преступности предполагает философское осмысление природы феномена правонарушения, рассмотрение его сущности с позиции абсолютного проявления «зла», исходящего от человека. Именно «зло» как явление, содержащееся в человеке, составляющее его сущность и руководящее его поступками, по мнению автора, порождает в нем преступные начала. С этим нельзя не согласиться, так как Д.С. Бабичев справедливо полагает, что причины преступного поведения следует искать в самом человеке. Таким образом, автор дает ответ на философский вопрос о том, почему человек совершает преступление, и, тем самым, хочет он того или нет, подтверждает правильность использования понятия «философия преступления», а не «философия преступности».

Нельзя согласиться также с доводами А.И. Александрова относительно использования понятия «философия преступности»³⁹. Употребляя это понятие, автор, на самом деле, говорит о понятии «философия преступления». Так, на стр. 65 своей монографии он пишет: «Философия преступности должна адекватно постичь философско-теоретический смысл и сущность феномена правонарушения, границы и степень его соотношения с правомерным поведением, выявить основные причины и условия возникновения и сохранения жизнеспособности преступного поведения, а также выработать методологические предпосылки если не преодоления его, то, хотя бы, минимизации. Именно это является ее исследовательскими задачами как вполне самостоятельного и перспективного направления научного исследования».

Во-первых, смысл и сущность феномена правонарушения, в том числе, естественно, и преступления, причины и истоки преступного поведения – это объект исследования филосо-

³⁷ Бабичев Д.С. Политико-правовое исследование философии преступности: Дис... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 40.

³⁸ Там же. С. 22.

³⁹ Александров А.И. Философия зла и философия преступности. СПб., 2013.

фии преступления, ибо на вопрос, что такое преступление и где истоки, корни этого явления, отвечает не философия преступности, а философия преступления.

Автор на стр. 69, еще раз возвращаясь к этому вопросу, отмечает: «При философском исследовании преступности нужно ответить на ряд вопросов: почему человек совершает преступление; какие заложенные в нем свойства толкают его на поступки, квалифицируемые как преступление...»

Если эти вопросы отнести к философии преступности, то спрашивается, на какие вопросы должна дать ответ философия преступления? Если исходить из того, что это не имеет принципиального значения, тогда получается, что разницы между понятиями «преступность» и «преступление» не существует, хотя позднее А.И. Александров как раз рассматривает эти явления как связи общего и единичного, количества и качества (стр. 85).

Во-вторых, автор, на наш взгляд, ошибается, утверждая, что «философия преступности» должна выработать методологические предпосылки если не преодоления преступности, то хотя бы ее минимизации. Фактически речь идет об уголовной политике по борьбе с преступностью. А это уже объект не философского исследования, а криминологии и уголовного права.

Однако, чтобы убедиться в правильности применения понятий «философия преступления» и «философия преступности», на наш взгляд, следует рассмотреть взаимосвязь, самостоятельность и соотносительность понятий «преступление» и «преступность».

Важность и необходимость разграничения этих понятий состоит в том, что именно от того, как будет пониматься их соотношение, зависит вообще методологический подход к исследованию причин преступности и преступления. Иными словами, если преступность отличается от преступления качественно, если это не однопорядковые явления, то совершенно очевидна и естественна бесперспективность изучения преступности путем познания причин конкретных преступных деяний.

II. Понятия «преступление» и «преступность» можно рассматривать как соотношение части и целого. Поэтому для правильного понимания этой проблемы необходимо, в частности, использовать философские категории целого и частного.

Еще мыслители прошлого, начиная с Аристотеля, сталкивались с неразрешимыми трудностями при определении этих понятий. Достаточно глубокие исследования в этом направлении были сделаны Гегелем, который пытался преодолеть эти трудности. Нам же, юристам, остается только использовать в своих исследованиях то, что считается общепризнанным.

Гегель пишет: «...вещь как *эта* вещь есть это их чисто количественное соотношение, есть простое скопление их “также”. Она состоит из того или иного определенного количества одного вещества, состоит также из определенного количества другого вещества, а также из других: вещь составляет только связь, состоящую в отсутствии всякой связи»⁴⁰.

Понимание преступности как вещи приводит А. Лепса к следующему выводу: «Преступность как вещь состоит из разных преступлений, которые имеют только какое-то количественное соотношение между разными преступлениями или их группами или “их простое скопление”, или их “также”. Равным образом мы можем сказать, что преступность как сумма разных преступлений не имеет связи между разными преступлениями»⁴¹.

Далее автор из теории переходит в область практики и утверждает, что «современная криминология сегодня складывает вместе преступления, совершенные на какой-то территории за определенный промежуток времени, в результате чего и получается совершенно новое явление – преступность, как явление сущности, которая рассматривается динамически, изу-

⁴⁰ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб., 2002. С. 448.

⁴¹ Лепс А. Философия Гегеля и преступность как явление сущности // Юридические науки и образование. 2012. № 35. С. 167.

чается ее структура, сравнивается с количеством населения и т. д. Конечно, у таких “справок” есть определенное оперативное значение в повседневной работе учреждений, относящихся к правоохранительным органам. Но таким “справкам” часто пытаются дать научную ценность, хотя дело далеко от науки»⁴².

Итак, А. Лепс полагает, что преступность как новое явление есть результат суммы отдельных преступлений на определенной территории. Этим автор подчеркивает количественно-статистический характер понятия «преступность». Возражений нет. Одновременно А. Лепс отмечает, что новое образование под названием «преступность» – явление сущности, имеющее структуру, динамику, тенденцию, характер и т. д. Тогда возникает вопрос: может ли преступность как явление сущности, характеризующаяся перечисленными признаками, иметь только количественную характеристику, без качественных свойств? В связи с этим возникает достаточно много и других принципиальных вопросов, имеющих не только теоретическое, но и практическое значение. Существуют ли отдельные преступления как части самостоятельно в преступности как в целом, или же они неотделимы от нее? Каким образом отдельные преступления объединяются в преступности – естественным или искусственным путем? По качественным или количественным признакам? Приводят ли взаимодействия отдельных преступлений в преступности к возникновению новых качеств целого, не свойственных преступлениям как части? Что возникает раньше: отдельное преступление как часть целого или преступность как целое?

Сегодня преступность характеризуется как отрицательное социально-правовое явление, а также как социальное либо как одновременно социальное и философско-правовое явление, как один из параметров общества, характеризующих состояние социального механизма, рас- согласованность между его составными частями⁴³

⁴² Там же. С. 468–470.

⁴³ См.: Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1997; Криминология для юридических вузов / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997; Спиридонов Л.И. Социология преступности. М., 1978 и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.